

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

Т.Ю. Загрякина

КОНСТРУКТ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ТРУБАДУРОВ, ИЛИ «ДРУГАЯ ФРАНЦИЯ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена языку и культуре Прованса/Окситании периода конца XI – начала XIII в. Показывается, что выражение Ф. Броделя «вечно другая Франция» отсылает к коллективному представлению, конструкту. По мнению Ж.-К. Нарси-Комба, разграничивающего понятия «конструкт» и «концепт», концепт есть результат классификации естественных явлений и человеческих наблюдений, конструкт – действий и воли человека. Задача статьи показать, что провансальская/окситанская идентичность, восходящая к традиции трубадуров, выстраивалась осознанно на базе идентификаторов, формирующих особость региона в глазах «своих» и делающих его узнаваемым в глазах «чужих». Чувство принадлежности к Провансу/Окситании обладает чертами конструкта, в основе которого лежат особые – «сильные» слова, или «слова силы» (*mots-force*), «места силы» (*lieux de force*). Показывается, что трубадуры имели развитое чувство принадлежности к своей земле. Оно выражалось через систему сильных слов – идентификаторов: знаковых топонимов, очерчивающих регион, обозначений языка, названий известных дворов, имен меценатов и дам (в том числе зашифрованных), а также выстроенной системы слов-символов, отражающих идеал, игру, мечту и ценностные установки. Делается вывод, что язык трубадуров – это пример того, как слова формируют идентичность и создают конструкт, компоненты которого не утрачивают своего значения вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: Прованс; Окситания; «другая Франция»; идентичность; провансальский/окситанский язык; культура; конструкт; сильные слова; слова-ключи; слова-символы; идентификаторы; топонимы; трубадуры; Прекрасная Дама.

Обращаясь к теме идентичности Франции, Ф. Бродель писал: «На юге существовала, существует по сей день и будет существовать

Загрякина Татьяна Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, ведущая кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tatiana_zagr@mail.ru).

“вечно другая Франция”» [Бродель, 1994: 65]. Данная статья посвящена «другой» Франции – Провансу/Окситании¹ периода расцвета региона, когда была заложена основа его идентичности как особого конструкта.

По мнению Ж.-К. Нарси-Комба, разграничивающего понятия «конструкт» и «концепт», концепт есть результат классификации естественных явлений и человеческих наблюдений, конструкт – действий и воли человека [Narcy-Combes, 2010: 117]. Мы полагаем, что чувство принадлежности к Провансу/Окситании на всех этапах развития региона обладает чертами конструкта, в основе которого лежат особые – «сильные» слова, или «слова силы» (*mots-force*), «места силы» (*lieux de force*). По мнению А. Мейе, а вслед за ним Л. Февра и Р.А. Будагова, «сильные слова» отличаются от обычных «слов-знаков» своей эмоциональной насыщенностью [Загрязкина, 2018: 17–18, 21]. А. Рей полагает, что потенциально «местом силы» может стать любое слово языка, в котором однажды проявится «скрытая жизнь, дыхание, дух или, как раньше говорили, гений» [Dictionnaire culturel en langue française, 2005: XVI].

Используя эту метафору, можно сказать, что язык и культура Прованса/Окситании обладали своим «гением», ассоциированным в первую очередь с эпохой трубадуров (конец XI – начало XIII в.). Эту мысль, в частности, высказал Стендаль: «Все, что до нас сохранилось от этой своеобразной цивилизации, сводится к стихам»². Задачей статьи будет показать, что провансальская идентичность, сформированная в период Средневековья, выстраивалась осознанно на базе сильных слов – идентификаторов, формирующих особость региона в глазах «своих» и делающих его узнаваемым в глазах «чужих».

Идентификаторы пространства

Идентификатором биполярности языкового и культурного пространства Франции является слово, и оно было выбрано Данте. Это частица «да», на основании которой Данте провел классификацию трех языков в трактате *De vulgari eloquentia* (1303–1305): *lingua oc* (провансальский язык)³, *lingua oïl* (французский язык), *lingua si*

¹ Название «Прованс» в широком смысле слова обозначает регион Юга Франции (Окситанию) в целом, в узком смысле слова – историческую провинцию Прованс, расположенную в устье Роны.

² Стендаль. О любви // Стендаль. Собр. соч.: В 15 т. Т. 4. М., 1959. С. 516.

³ Термины «провансальский» и «окситанский» мы используем синонимично, однако провансальский в большей степени относится к прошлому, окситанский – к настоящему языку и культуре Юга Франции.

(итальянский язык). Со временем обозначение *lingua si* стало малоупотребительным, и триада Данте превратилась в диаду *oïl-oc*, сохранившуюся до настоящего времени как противопоставление Севера (*oïl*) – Юга (*oc*) Франции. Ф. Бродель полагал, что оно имеет цивилизационный характер: «территория, где говорят “да” по-северному, и территория, где говорят “да” по-южному, – это две почти во всем различные цивилизации» [Бродель, 1994: 65].

Цивилизация Юга уже в XII в. имела обработанный деловой и литературный язык. Деловой письменный язык Прованса обладал столь большим единством, что нелегко определить, в какой именно области написан тот или иной документ. Язык художественной литературы – язык трубадуров – стал первым обработанным литературным языком новой Европы и противопоставлялся французскому языку точно так же, как южанин противопоставлялся жителям северной Франции, ср. строчки из «Песни ни о чем» трубадура Гильома IX Аквитанского, графа Пуатье: «Я не в упадке: Бегут нормандец и француз во все лопатки» (перевод А. Наймана)⁴. При этом Юг Франции никогда не имел общего управления: им управляли три короля и один император [Брюнель-Лабрюшон, Дюамель-Амадо, 2003: 26]. Общность региона, таким образом, была основана на единстве языка и культуры.

Маркерами этой общности являются идентификаторы, локализирующие регион в пространстве. В лирике трубадуров засвидетельствовано немало географических названий. Среди них отдельные упоминания о северных (собственно французских) территориях, которые чаще всего даны в ряду названий других регионов и их жителей. Ср. северофранцузские топонимы Руан, Мен, Анжу, Турень у Бертрана де Борна:

Ирландец, норманн, Гиенна, Руан ⁵ ,	Разносятся пени
И Мена предел	В Анжу и Турени;
Скорбят; горожан	И плач англичан
И жителей сел	Летит сквозь туман, И в скорби поник алеман.

(Перевод А. Наймана)⁶

⁴ Хрестоматия по литературе Средневековья: В 2 т. Т. I. СПб., 2003. С. 39. Здесь и далее при наличии художественных переводов указывается имя переводчика. Если художественный перевод отсутствует или не является точным, приводится наш буквальный перевод без ссылки на переводчика.

⁵ Здесь и дальше выделено нами. – Т.З.

⁶ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. М., 1984. С. 91.

Однако большая часть пространственных идентификаторов у трубадуров относится к южнофранцузским землям и городам. Поэты очерчивают, объединяют, творят «свое» пространство, как бы набрасывая на него опорную сеть. Некоторые топонимы связаны с историческими событиями. Так, строки Пейре Видаля напоминают о местах боев между Альфонсом Арагонским и Ричардом Львиное сердце:

Я б усмирил *Прованс* и *Монпелье*,
И те, что еле держатся в седле
В *Кро* не посмели б учинить разбой.

(Перевод А. Наймана)⁷

Другие связаны с творческой жизнью поэтов: у разных авторов это Лимузен/Пуату, Тулузский край, Прованс и др. Пейре Видаля считал своей творческой родиной не Тулузу, где он родился, а провинцию Прованс – как он уточнил сам, «землю от *Роны* да *Ванса*, от моря до *Дюранс*». Он писал, что своим вдохновением обязан именно этой земле: «Ab l'alen tir vas me l'aire. qu'ieu sen venir de *Proensa*. tot quant es de lai m'agensa» (Когда я дышу, в меня проникает воздух, который, я чувствую, приходит из *Прованса*. Все, что оттуда, меня радует). И дальше: «когда я слышу, что о *Провансе* рассказывают что-то хорошее, я слушаю, улыбаясь, и прошу сто раз повторить, так я люблю слушать, как о *Провансе* рассказывают что-то хорошее. Нет более милой земли <...>. Если я умею что-либо говорить [*творить*] и делать – это ее заслуга»⁸.

В лирике труверов – северофранцузских поэтов, напротив, упоминаются преимущественно северные земли. Ср. топонимы *Бретань*, *Шампань* у Гаса Брюле:

Я слышу птиц родных краев
На берегах *Бретани*.
Я помню, как звучал их зов
В любезной мне *Шампани*.

(Перевод А. Парина)⁹

Все это позволяет говорить о разделении пространства Франции в представлениях средневековых поэтов и о закреплении этого водораздела в поэтических текстах.

⁷ Там же. С. 120.

⁸ *Roubaud J. Les troubadours: Anthologie bilingue*. P., 1971. P. 219.

⁹ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 145.

Топонимы Юга отражают статику и динамику пространства. Они рассказывают о военных походах и странствиях, но также и о пребывании трубадуров в замках своих покровителей. Названия языка также служили идентификаторами региона.

Кроме названия *proensal*¹⁰ (провансальский), трубадуры использовали и название *lemosi* (лимузенский). Как пишет Ж. Мадоль, некоторые знаменитые трубадуры «были лимузенцами в широком смысле слова» [Мадоль, 2000: 26], как, например, Бертран де Борн – выходец из Перигора (провинция Аквитания). В Средние века с Лимузеном была тесно связана провинция Пуату: обе составляли владения трубадура Гильома IX Аквитанского, графа Пуатье, и его внуки Альеноры Аквитанской. В стихотворении «Покаянная песня» Гильом IX обращается именно к этой земле: «Про то стихи сейчас сложу, Про то спою, о чем тужу; Любви я больше не служу – Знай, Пуату и Лимузен» (перевод А. Наймана)¹¹. Засвидетельствовано еще одно название региона и самого языка – *mondin*, сокращение от *raimondin*, букв. «подданный семьи Раймонов (*Raimon*)», графов Тулузских. Могущественная семья владела огромной территорией, и город Тулуза был третьим по величине западноевропейским городом после Венеции и Рима.

Идентификаторы культуры

П. Бек назвал старопровансальский язык «языком культуры», «искусственным» и эзотерическим, понятным только замкнутому кругу искусственных и просвещенных людей [Вес, 1986: 66]. За небольшим исключением это был язык одного литературного жанра – лирической поэзии, за которым стояла определенная система взглядов, отраженная/сформированная лексической системой языка.

Язык трубадуров имел особую знаковость, выраженную, как пишет М.Б. Мейлах, в «комплексе терминов», «ключевых словах», «словах-темах», «понятиях-формулах», которые «характеризуются высокой семантической насыщенностью» [Мейлах, 1975: 89, 90, 109, 110]. Список близких терминов можно продолжить: форс-слова (*mots-force*), места силы (*lieu de force*), слова-ключи (*mots-clé*), слова-«чемоданчики» (*mots-valise*, термин Ш. Кампу), слова-идентификаторы. С их помощью язык трубадуров формировал куртуазный универсум и воздействовал на модели сознания. При этом, по мнению Ж. Дюби, «мы имеем дело с источником, требующим весьма осторожного подхода. Не следует думать, что он прямо воспроиз-

¹⁰ Provence < Provincia- (Romana-).

¹¹ Хрестоматия по литературе Средневековья. С. 37.

водит жизненную реальность, т.е. нельзя принимать мысли и действия трубадуров и героев романов за прямое отражение мыслей и поступков тех, кто с удовольствием их слушал». Ж. Дюби, однако, признавал, что «творения поэтов имели определенную связь с образом жизни людей, составлявших их аудиторию» [Дюби, 1990].

Эта аудитория представляла собой культурную элиту, о чем есть прямые свидетельства самих трубадуров. У Пейре Карденаля:

... Сирвенты суть моей
Узнают лишь храбрец и книгочей;
Не пой ее мужлану, ибо он
И слыша не поймет, откуда звон.

(Перевод А. Наймана)¹²

По одной из версий, слово «трубадур» восходит к глаголу *trobar* (находить) и изначально содержит сему сознательного поиска и обработки языка. У Арнаута Даниэля:

Слова же мной <i>огранены</i> ,	<i>Не мог найти излома</i> ;
До белизны	Прям их <i>ранжур</i> ,
Их <i>мыл и тер</i> ,	Он командир.
Чтоб сам <i>Амор</i>	Я в роли мажордома.

(Перевод А. Наймана)¹³

«Ограниченные слова» трубадуров составляют сеть биполярных оппозиций: *fin'amors* (тонкая любовь) – *fals amors* (несдержанная, земная любовь); радость/игра (*joi*) – страдание (*sofrirs*), мера (*mezura*) – отсутствие меры (*desmezura*); служение/сеньору, даме (*servir/seignor-dona*), милосердие, пощада (*merce*) – лишение милости (*desmerce*) и др. Каждое слово, пара слов и они все вместе обладали эмоциональной силой и ассоциативными связями, создающими мир, который позднее получил название куртуазной культуры (*cortezia*) как антипода низкой культуры (*vilania*).

Fin'amors (тонкая любовь)

Главным из этих слов является, конечно, *amors* (любовь). По мнению Ж. Рубо, трубадуры очень удивились бы, узнав, что именно они открыли любовь в мире поэзии: с их точки зрения, любовь есть основа жизни, это всеобщий господин, но это также и повластная дама: в старопровансальском слово *amors* было женского

¹² Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 130.

¹³ Там же. С. 71, 76.

рода. Для трубадуров любовь – это аксиома, данность, очевидность, и именно поэтому «они не говорили, что такое любовь, а [просто] говорили, что она есть» [Roubaud, 1971: 1, 11]. В отличие от эпической поэзии, воспевавшей военные подвиги, и клерикальной литературы, прославлявшей Бога, трубадуры воспевали Даму, обозначая свои чувства специальным термином *fin'amors* – тонкая любовь (у земной любви к простолюдинке был свой термин – *fals amors*).

Идеальным объектом тонкой любви была замужняя женщина, часто – жена сюзерена, и этот статус в мире воображаемого делал ее недостижимой. На пути любящих вставали многие преграды: далекие походы, битвы, паломничества, а также козни клеветников (*lauzengiers*) – своего рода представителей общественного мнения, следившего за выполнением правил игры. Тонкая любовь – это любовь «дальняя», т.е. более мечта о любви, чем реальность, и осознание того, что мечта труднодостижима или вовсе недостижима. Ср. строки Джауфре Рюделя:

Нет, Даму мне <i>не улаждать</i> ,	Та, что <i>не в силах награждать</i>
Любвных мне <i>не ждать затей</i> .	И нежной речью угождать,
Увы, я мил <i>не стану ей</i> .	<i>Моих не осчастливит дней.</i>

(Перевод А. Парина)¹⁴

В творчестве Джауфре Рюделя преграды между любящими непреодолимы, и идея «дальней» любви доведена до конца: «Меж нами тысячи лежат Шагов, дорог, земель, преград...» (Перевод А. Наймана)¹⁵.

Joï (Радость/игра)

«Любовь вместе с весельем, празднествами и удовольствиями царил в замках счастливого Прованса», – писал Стендаль в своем трактате «О любви»¹⁶. При этом куртуазная любовь вызывала двойное чувство: не только радости (*joï*), но и печали, страдания (*sofrirs*). Ср. у Джауфре Рюделя: «Печаль и радость тех бесед храню в разлуке с Дамой дальней» (перевод А. Наймана)¹⁷.

Мотивы печали и радости были унаследованы трубадурами из народной романской поэзии. Первый связан с жанром альбы (расставание влюбленных на заре), второй – с «майскими песнями». В майских песнях и обрядах царил веселье как общее состояние

¹⁴ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 37.

¹⁵ Там же. С. 34.

¹⁶ Стендаль. О любви // Стендаль. Указ. соч. С. 520.

¹⁷ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 34.

человека и весенней природы [История французской литературы, 1946: 87]. У трубадуров радость также обозначала состояние гармонии, экстаза, внутреннего совершенства, в котором находится любящий, при этом она могла разливаться на природу и весь окружающий мир. У Гильома Аквитанского: «Вся радость мира – наша повелительница, если мы любим друг друга»¹⁸. «Joi» могло обозначать и черту характера Дамы, которая передавала радость рыцарю, как бы отдавая ее в дар. У Пейре Овернского:

В ней с *весельем* совмещена
Сладость куртуазных затей;
Радостью сверходарена ...

(Перевод А. Наймана)¹⁹

Вслед за Ш. Камру, Ж. Рубо назвал это слово «чемоданчиком» (*mot-valise*) с большим «содержимым»: слово имеет не только значение радости (< gaudiu-), но и значение игры (< jocu-) [Roubaud, 1971: 17]. Сочетание двух смыслов отражено в переводе строк Бернарта де Вентадорна, выполненным В. Дынник: «*Играющий*, веселый свет Любви и *радости* живой»²⁰. Дух эксперимента, игры, авантюрного поиска пронизывал всю поэзию трубадуров и, как считает А.Г. Найман, во многом был ее главным смыслом [Найман, 1979: 9]. По мнению Ж. Мадоль, эта поэзия была и этикой, и наукой, и даже фокусом [Мадоль, 2000: 49]. Сами трубадуры считали свое творчество «веселой наукой», «веселым знанием» (*gai saber*), подчеркивая чувственное и рациональное начало. Эти мотивы отметил А.С. Пушкин в статье «О поэзии классической и романтической»: «Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее все возможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы: явились <...> баллада, рондо, сонет»²¹.

Mezura (Мера)

Тонкая любовь – удел людей благородных, стремящихся к равновесию, гармонии, мере (*mezura*). Трубадур Маркабрюн называл радости этой любви «выстраданными и размеренными» (*jois sofris e mesura*) [Roubaud, 1971: 18]. Напротив, любовь к простолюдинке

¹⁸ Roubaud J. Les troubadours: Anthologie bilingue. P.: Seghers, 1971. P. 16.

¹⁹ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 54.

²⁰ Там же. С. 47.

²¹ Пушкин А.С. О поэзии классической и романтической // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в одном томе. М., 1949. С. 1288–1289.

связана с насилием, чрезмерными, необузданными страстями – отсутствием меры (*desmezura*).

С точки зрения Ж. Рубо, трубадуры выработали концепт *меры* для того, чтобы преодолеть напряжение, возникающее между чувствами радости и страдания, надеждой и безнадежностью, страхом и отвагой. Любящий любит и страдает, он и смел, и робок одновременно. С одной стороны, он открывает свою любовь, с другой – оберегает ее и скрывает даму под вымышленным именем – знаком, сигналом (*senhal*) [там же].

Кроме того, слово *mezura* обозначало хорошие манеры и умение властвовать собой. Дама должна обладать этим качеством и прививать его рыцарю: «бешеного обуздать и неучтивца воспитать», – как писал Гильом Аквитанский²². Принцип «золотой середины» Маркабрюн вложил в уста пастушки, которая ведет себя сдержанно, как знатная дама:

Золотую серединой
Курс держать, борясь с судьбиной, –
Вот суть жизненного плана.

(Перевод А. Наймана)²³

В своем трактате «О любви» Стендаль отметил интерес к форме, который проявляли трубадуры, и подчеркнул, что для того времени она имела «всю свежесть и пикантность новизны»²⁴. У трубадуров *mezura* смягчает язык так же, как она смягчает чувства, и фактор *меры* характеризует виртуозное искусство поэзии, технику стихосложения, оттачивание языка и стиля.

Формируя традицию, поэты следовали канонам и воспроизводили штампы (пение соловья, сад, цветник любви и т.д.). Играя со словом, они создавали новые формы, неожиданные и яркие образы. Все это могло сочетаться в одном стихотворении и даже четверостишии. Ср. у Гираута де Борнеля яркий образ (*заболевший зуб*) – штамп (*цветник*):

Все время хочет мой язык
Потрогать *заболевший зуб*,
А сердце просится в *цветник*.

(Перевод А. Наймана)²⁵

²² Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 22.

²³ Там же. С. 26.

²⁴ Стендаль. О любви // Стендаль. Указ. соч. С. 518.

²⁵ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 66.

Поэты жили не только в Южной Франции, но и в Париже, Шампани, Италии, Лондоне, в частности, при дворах Элеоноры Аквитанской, ее дочерей Марии Французской (Шампанской) и Аэлис, графини Блуаской. Провансальский язык превращался в международный язык Европы, и понятие *меры* получило значение *правила*, в том числе грамматического. Сами трубадуры писали трактаты – поэтики/грамматики, имевшие двойную, языковую и поэтическую, направленность. Среди них *Las Razos de trobar* Раймона Видаля (XII в.), *Donat proensal* Юка Файдита (XIII в.), более поздний трактат *Leys d'Amor* («Правила поэзии о любви», XIV в.).

Servir/seignor-dona
(служение, служить/сеньору-даме)

«Сильное слово» *servir* имело двойную референцию как служение господину и Даме. См. у Бернарта де Вентадорна:

Пошел я, Донна, с давних дней
За вами в сладостный полон,
Вы – *мой сеньор*, вы – *мой барон*.
Я дал вам верности обет.

(Перевод В. Дынный)²⁶

До сих пор идут споры о том, как объяснить старопровансальское обращение к даме *midons* в форме мужского рода (букв. «*моя сеньор*»). Возможно, оно объясняется двойной направленностью глагола *servir*. У Раймбаута Оранского: “*de midons fatz dompn'e seignor*” («к моей сеньору (муж. р. в значении жен. р.) [отношусь] как к даме и как к господину») [Roubaud, 1971: 20].

В трактате «О любви» Стендаль не прошел мимо старопровансальских слов мужского и женского рода, употреблявшихся для обозначения одного и того же лица, предмета или явления. Он назвал это явление неразгаданной загадкой, впрочем, не единственной. В лирике трубадуров сложилось два стиля – более ясный (*clar*) и более «темный» (*oscur*), при этом намеки и иносказания были свойственны обоим стилям. Стендаль объяснял «запутанность» языка трубадуров сложностью правил поведения, которые, в свою очередь, складывались под воздействием языка: «Общество, молодое еще, с увлечением предавалось разным формальностям и церемониям, которые в ту пору свидетельствовали о наличии цивилизации».

²⁶ Там же. С. 47.

Одной из таких церемоний, по мнению писателя, был «официальный способ объявлять себя влюбленным»²⁷.

Согласно версии (возможно, и ошибочной), которой придерживался и Стендаль, существовал официальный способ разрешить любовные казусы на «судах любви», проходящих под предводительством знатных дам – Альеноры Аквитанской, Марии Шампанской. Об этих судах сообщал Андрей Капеллан в латинском трактате «О любви», написанном в Париже в 1200 г.²⁸ До сих пор остается неясным, существовали ли эти «суды» как реальный факт, или они относились к миру воображаемого.

Так же, как были регламентированы отношения сеньора и вассала, были определены и отношения Дамы и рыцаря. В куртуазном мире они имели характер особого многоступенчатого ритуала, при этом для нас важно, что каждый этап обозначался сильным словом: 1) *fenhedor* – скрывающий свои чувства; 2) *precador* – молящий о благосклонности; 3) *entendedor* – признанный дамой и ее окружением влюбленный; 4) *dрут* – возлюбленный. На последней ступени рыцарь мог рассчитывать на улыбку дамы, ее ленту и даже поцелуй [История французской литературы, 1945: 85]. Поцелуй, как и дарение кольца, были символическими актами, сопоставимыми со знаками вручения лена (земельного владения, предоставляемого вассалу за выполнение службы). Ср. у Рамбаута де Вакейраса: «И в сердце щедром выделен мне *лен*...» (перевод А. Наймана)²⁹.

Идентификаторы личности *Paratge*

Все слова, которые мы приводили, характеризуют не только культуру, но и личность ее носителей. Рассмотрим в этом контексте и слово *paratge*, обозначающее качество Дамы (<лат. “*parere*”, «являться, появляться»), не входящее в состав бинарной оппозиции и не имеющее переводного эквивалента.

По мнению Ж. Дюби, куртуазная любовь была прежде всего знаком престижа в мужском обществе³⁰, и Дама должна быть не только красива, но обладать другими достоинствами, среди которых благородство происхождения, образованность, вкус, владение собой, хороший язык и умение вести беседу. Эти качества, включая речь, составляют содержание слова *paratge* как классификатора, отлича-

²⁷ Стендаль. Указ. соч. С. 516.

²⁸ Капеллан А. О любви // Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 383–401.

²⁹ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 84.

³⁰ Дюби Ж. Указ. соч.

ющего Даму от простолюдинки. Лучше всего об этом сказали сами трубадуры:

Бернарт де Вентадорн:
Не хватит жизни никакой
Воспеть и взор ее живой,
И прелесть тонкую бесед.

(Перевод В. Дынный)³¹

Бертран де Борн:
В госпоже Файдите слит
Блеск поступков с блеском фраз.
Бель-Мираль душой здорова,
Вкус изыскан, лик румян
От ее бесед я пьян.

(Перевод А. Наймана)³²

Ж. Мадоль полагает, что это слово было «почти непереводаемым» и не имело аналога в старофранцузском языке [Мадоль, 2000: 45]. Ж. Рубо видел в нем множество значений, впоследствии утраченных: «В слове *paratge* заложена идея внешнего облика (*appareance*), умения себя показать (*apparâitre*) и идея родства (*parenté*). Это одно из драгоценных, непереводаемых, незаменимых, блестящих, но забытых слов языка трубадуров» [Roubaud, 1971: 10]. Ф. Ньель рассматривает слово в еще более широком значении: «...честь, прямота, равенство, отрицание права сильного, уважение к человеческой личности» [Niel, 1990: 67].

Merce (Милосердие) – Desmerce (лишение милости)

Средневековью было свойственно конкретное представление идеи Бога, сформированное в период, несмотря на старания теологов разделить телесное и бестелесное [Ле Гофф, 1992: 144]. Синтез двух этих начал обнаруживается в форс-слове *merce* (милость). Так, Гаусельм Файдит просит Даму о пощаде и милосердии (*merce*) со сложенными, как для молитвы Деве Марии, руками³³. Рыцарь не может быть до конца уверенным, достоин ли он высшего милосердия, или опасается быть его лишенным (*desmerce*). Добываясь благосклонности, Джауфре Рюдель чувствует поистине адский огонь и доходит до полного изнеможения:

*Я рад в огне любви гореть.
Хоть жар пронзает до костей.
Плоть все худее, все слабей,
Не знал, что можно боль терпеть,
При этом от блаженства млеть.*

(Перевод А. Парина)³⁴

³¹ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 47.

³² Там же. С. 93.

³³ Хрестоматия по литературе Средневековья. С. 23.

³⁴ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 36.

У некоторых трубадуров со светом и чистотой сравнивается не божественная энергия, а любовь к Даме. У Бернарта де Вентадорна: «Ярче небесного света В сердце заря золотая» (перевод В. Дынник)³⁵; у Пейре Овернского: «Сама же любовь, как снег, чиста» (перевод А. Наймана)³⁶. У Гильома де Монтанаголя источником света становится сама Дама: «В замке Люнель сияет светлая луна, которая светит более ярким светом, чем весь другой свет...»³⁷

Как видно из приведенных примеров, любовь земная и духовная легко могли переходить одна в другую. Стендаль объяснял это тем, что южнофранцузский дворянин представлял собой тип «экзальтированного христианина», готового перейти «от цивилизации, исполненной радости, к фанатизму и тяготам лагеря крестоносцев»³⁸. Действительно, регион жил драматической духовной жизнью. Именно отсюда, из средиземноморских портов, крестоносцы отправлялись на Святую землю. Кроме того, на Юге проходили диспуты и кровопролитные войны между приверженцами католицизма и катаризма (одной из ересей Юга Франции), во время альбигойских войн³⁹ здесь горели костры инквизиции. Культ Девы Марии у катаров был по-особому напряженным: ее считали ангелом, а не земной женщиной [Мадоль, 2000: 83]. Особенности культа Мадонны, отмеченные у катаров, могли повлиять и на культ Прекрасной Дамы. Большинство трубадуров были католиками, однако, как писал исследователь катаризма Ф. Ньель, трудно поверить в то, что два мира – трубадуров и катаров – существовали параллельно и не соприкасались между собой. Слишком часто у них была одна и та же аудитория [Niel, 1990: 68].

Заключение

У трубадуров были предшественники на Востоке и Западе: отмечают влияния арабо-андалузской поэзии, расцветшей в Испании, средневековой латинской, классической персидской и народной романской традиций. Между тем ни одно из влияний в полной мере не объясняет феномена старопровансальской культуры и тех «загадок» [Найман, 1979: 3], которые она до сих пор ставит перед ис-

³⁵ Прекрасная Дама: Из средневековой лирики. С. 49.

³⁶ Там же. С. 54.

³⁷ *Roubaud*. Op. cit. P. 403.

³⁸ *Стендаль*. Указ. соч. С. 517.

³⁹ Альбигойские войны (les guerres albigeoises), 1208–1229/1244; по названию города Альби – одного из городов, охваченных катаризмом, – военный поход северных сеньоров против южан, во время которого была подавлена ересь катаров и разрушена старопровансальская культура.

следователем. Одна из «загадок» заключается в том, как могла условная и рассудочная поэзия быть поэзией личного чувства, глубокого и противоречивого, во многих случаях – трагически безысходного.

Среди других особенностей – двусторонняя направленность языка и культуры Прованса: внутрь региона и за его пределы. Сформировав для Европы куртуазный универсум и глобальный язык поэзии, трубадуры заложили идентичность Нового времени с его идеями чести, знания, воспитанности, любви как основы союза мужчины и женщины и др. Однако поэты создали и другой конструкт – собственно провансальскую/окситанскую идентичность. Они творили «свой» язык и пространство, «свой» земли, леса, замки, людей, живших в очарованном мире, сквозь который проступали и реальные черты.

Трубадуры имели развитое чувство принадлежности к своей земле. Оно дошло до нас сквозь века через провансальский язык с его системой сильных слов – идентификаторов: топонимов, очерчивающих регион, обозначений языка, названий известных дворов, через имена меценатов и дам (в том числе зашифрованные) и выстроенную систему слов-символов, формирующих идеал, игру, мечту и ценностные установки высокого образца.

В дальнейшем провансальский/окситанский язык практически выйдет из употребления. Многие слова сотрутся, потеряют силу и будут забыты, другие же сохранятся как опора «новой идентичности» региона, основанной на переосмыслении мест памяти, восходящих к традиции трубадуров. Трансляция этих установок через поколения, неугасимый дух постоянного возрождения и обновления – еще одна загадка языка и культуры «Другой Франции». Но это уже тема новой статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бродель Ф.* Что такое Франция?: В 2 т. Т. 1, ч. 1. М., 1994.
2. *Брюнель-Лабришон Ж., Дюамель-Амадо К.* Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII века. М., 2003.
3. *Дюби Ж.* Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1990. С. 90–96. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/zhorzh-dyubi-kurtuaznaya-lyubov.htm/> (дата обращения: 24.12.2019).
4. *Загряжская Т.Ю.* Франция и франкофония: язык, общество, культура. 2-е изд. М., 2018.
5. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

6. *Мадоль Ж.* Альбигойская драма и судьбы Франции. СПб., 2000.
7. *Мейлах М.Б.* Язык трубадуров. М., 1975.
8. *Найман А.Г.* О поэзии трубадуров // *Песни трубадуров.* М., 1979. С. 3–25.
9. *История французской литературы / Под ред. В.М. Жирмунского.* Ч. I. М.; Л., 1946.
10. *Вес Р.* La langue occitane. P., 1986.
11. *Dictionnaire culturel en langue française / Dir. A. Rey.* En 4 vol. V. 1. P., 2005.
12. *Narcy-Combes J.-P.* Illusion ontologique et pratique réflexive en didactique des langues // *Le français dans le monde – Recherches et applications.* 2010. № 48 (Juillet). P. 111–122.
13. *Niel F.* Albigeois et cathares. 12-me édition. P., 1990.
14. *Roubaud J.* Les troubadours: Anthologie bilingue. P., 1971.

Tat'yana Yu. Zagryazkina

**IDENTITY CONSTRUCT IN THE WORKS OF
TROUBADOURS OR “ANOTHER FRANCE”
THROUGH THE LANGUAGE LENS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article is devoted to the language and culture of Provence/Occitania in the period of the late XI – early XIII centuries. It is shown in the article that the phrase of F. Brodel “forever another France” refers to a collective representations. According to Narcy-Combes J.-P who separated the terms “concept” and “construct”, the former is a result of a classification of natural phenomenon and people’s observation, while the latter is a result of people’s actions and will. The aim of this article is to show that the Provence/Occitanian identity, that goes back to the tradition of troubadours was created consciously on the base of identifiers. These identifiers formed on the one hand the uniqueness of the region in the eyes of its inhabitants and on the other hand they made it recognizable in the eyes of strangers. The feeling of belonging to Provence/Occitania has the features of a construct, which is based on special – “strong” words, or “words of power” (mots-force), “places of power” (lieux de force). The article shows that troubadours had a developed sense of belonging to their land. This sense of belonging was expressed through a system of strong words – identifiers such as iconic toponyms outlining the region, language designations, names of famous courtyards, names of patrons and ladies (including encrypted ones), as well as a built-in system of word-symbols reflecting the ideal, game, dream and values. In the article the conclusion is made about the troubadours’ language: it is an example of the way the words form an identity and the way they create a construct, which components don’t lose their meaning up to the present.

Key words: Provence; Occitania; “another France”; identity; Provençal/Occitanian language; culture; construct; strong words; key words; word symbols; identifiers; toponyms; troubadours; Beautiful Lady.

About the author: Tat'yana Yu. Zagryazkina – PhD in Philology, Professor, Head of the Department of French Language and Culture at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University (e-mail: tatiana_zagr@mail.ru).

REFERENCES

1. Brodel' F. 1994. *Chto takoe Frantsiya?* [What is France?] In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh. (In Russ.)
2. Bryunel'-Labrishon Zh., Dyamel'-Amado K. 2003. *Povsednevnyaya zhizn' vo vremena trubadurov XII–XIII veka* [Everyday life during the troubadours of the 12th–13th centuries]. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russ.)
3. Dyubi Zh. 1990. Kurtuaznaya lyubov' i peremeny v polozhenii zhenshchin vo Frantsii XII v. [Courtyard love and changes in the status of women in France of the 12th century]. *Odissei. Chelovek v istorii* [Odyssey. The man in history]. Moscow, pp. 90–96. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/zhorzh-dyubi-kurtuaznaya-lyubov.htm/> (accessed: 24.12.19). (In Russ.)
4. Zagryazkina T.Yu. 2018. *Frantsiya i frankofoniya: yazyk, obshchestvo, kul'tura* [France and Francophonie: language, society, culture]. 2nd ed. Moscow, Izd-vo Mosk. Universiteta. (In Russ.)
5. Le Goff Zh. 1992. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the medieval West]. Moscow, Progress. (In Russ.)
6. Madol' Zh. 2000. *Al'bigoiskaya drama i sud'by Frantsii*. [Albiguian drama and the fate of France] Saint Petersburg, Evraziya. (In Russ.)
7. Meilakh M.B. 1975. *Yazyk trubadurov* [The language of the troubadours]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
8. Naiman A.G. 1979. *Opoezii trubadurov* [On the poetry of the troubadours]. In *Pesni trubadurov* [Songs of the troubadours]. Moscow, Nauka, pp. 3–25. (In Russ.)
9. Zhirmunskiy V.M. (ed.) 1946. *Istoriya frantsuzskoi literatury* [History of French literature]. Ch. I. Moscow-Leningrad. (In Russ.)
10. Bec P. 1986. *La langue occitane* [The Occitan language.]. Paris, PUF. (In French)
11. Rey A. (ed.) 2005. *Dictionnaire culturel en langue française* [Cultural dictionary in French]. In 4 vol. Vol. 1. Paris. (In French)
12. Narcy-Combes J.-P. 2010. Illusion ontologique et pratique réflexive en didactique des langues [Ontological illusion and reflexive practice in language teaching]. *Le français dans le monde – Recherches et applications* [French in the world – Research and applications], no. 48 (Juillet), pp. 111–122. (In French)
13. Niel F. 1990. *Albigeois et cathares* [Albigeois and Cathars]. Paris, PUF. (In French)
14. Roubaud J. 1971. *Les troubadours: Anthologie bilingue* [Les troubadours: Bilingual anthology]. Paris. Seghers. (In French)